

УДК 93

Внешние и внутренние влияния на развитие советского мемориального ландшафта ко Второй мировой войне

Александра Черкасски

Научно-исследовательский институт геноцидов и диаспор Рурского Университета, Германия
аспирант

E-mail: Alexandra.Tcherkasski@ruhr-uni-bochum.de

Аннотация. Вторая Мировая война понесла за собой тяжелые людские потери и оставила глубокие шрамы/раны в памяти о ней. Во время того как победа над оккупантским режимом прославлялась, чтилась и с 1965 г. праздновалась в широком масштабе на государственном уровне, существовала непреодолимая пропасть между официальной и частной памятью о войне. Памятники – одно из форм свидетельств своего времени и таким образом являются достоверным источником для исследования разных тенденций эпох и цайтгайста/духа времени, а также их изменений. В данной статье рассматривается развитие советского мемориального ландшафта ко Второй мировой войне с периода окончания войны до распада Советского Союза. В центре внимания стоят внутривластные и международные взгляды/интерпретации и их развитие по отношению к жертвам войны. То есть процесс исключения и включения разных групп жертв войны в советскую коллективную память под влиянием симбиоза внутривластных и внешнеполитических интересов. И, как следствие, результирующее отношение к памятным местам.

Ключевые слова: развитие советского мемориального ландшафта; памятники; культура памяти; мемориализация Второй Мировой войны; Советский комитет ветеранов войны; военнопленные; Саласпилс; Хатынь; Юнгфернхоф; Бухенвальд; мемориализация холокоста.

Памятники – это архитектурное и культурное наследие общества. В отличие от иных форм исторических источников их нельзя держать под замком. Если памятники становятся неудобными государственным структурам или обществу, их либо сносят, либо подвергают переосмыслению.

Исходя из этого, памятники и мемориальные комплексы, которые сегодня можно увидеть в каждом городе, пригороде и селе, являются твердой частью современного общественного пространства. В то же время они свидетельствуют о той или иной эпохе их установления и развитии мемориального ландшафта. По памятникам и мемориальным комплексам – местам и времени их создания, формам и надписям, по инициативным группам, ходатайствовавшим об их установлении, по инстанциям, которые были вовлечены в их создание и, не в последнюю очередь, по их состоянию – можно сделать выводы о политике памяти, формах памяти (официальной или частной), а также об их прошлом и актуальном/текущем значении в государстве и обществе.

Если идет речь об установке памятников и мемориалов в общественном пространстве, следует провести различие между официальными, общественными, хорошо доступными местами, с одной стороны, и кладбищами либо тяжело доступными местами массового уничтожения и захоронения, с другой. Официальные центральные места (площади и скверы), которые находятся у всех на виду, а также места массовых захоронений в пригородах, где регулярно в рамках образовательных и воспитательных программ проводятся экскурсии, являются частью государственной памяти. Кладбища или места без стабильной инфраструктуры, где не проходят экскурсии и не включенные в образовательные программы, носят частный характер, т.е. они все же являются составной частью общественной культуры, которая вытеснена из официальной памяти в частную.

В административном отношении памятники и памятные места до середины 1950-х гг. относились к компетенции органов коммунального хозяйства. С созданием в марте 1953 г. Министерства культуры и последовавших республиканских министерств культуры памятники попали под надзор его отделов [1]. Кладбищенские места в отличие от этого дальше оставались под надзором органов коммунального хозяйства. Так как СССР, а также

УССР и БССР с 1954 г. стали членами ЮНЕСКО [2], то на увековечивание памяти стало оказываться влияние с международной стороны [3].

Перед более подробным хронологическим описанием и анализом внутренних (государственных и республиканских) и внешних (международных) инстанций, инвolvedированных/задействованных в процесс развития советского мемориального ландшафта ко Второй Мировой войне, следует обратить внимание на категории жертв, а также на то, как они отражались в советском нарративе. Категория жертв – одна из важнейших критериев эволюции советского мемориального ландшафта, так как именно ее развитие находилось постоянно под влиянием текущих интерпретаций войны, вошедшей в советскую историографию под топомом "Великой Отечественной войны", а также международным влиянием.

Первую группу жертв Второй Мировой войны составляют военные жертвы. К ним относятся все военнослужащие. Но среди них можно провести разделение между теми, кто погиб в бою, и теми, кто попал в плен и лагеря. Первые считались героями, освободителями. Вторые до конца 1950-х гг. считались подозрительными элементами либо даже предателями, спасшими свою жизнь ценой работы на немецких захватчиков [4]. Вторая группа – жертвы среди гражданского населения. К этой группе можно причислить евреев, цыган, душевно- и физически больных, членов коммунистической партии, семьи военнослужащих действующей армии и партизан. Сами партизаны идеологически относились к первой группе и обладали статусом героев [5].

В данной статье рассматривается эволюция мемориального ландшафта с середины 1940-х гг. до начала 1990-х гг. При этом в ней выделяется три этапа: первый, послевоенный – до середины 1950-х гг.; второй – с середины 1950-х до конца 1970-х гг.; третий – с 1980-х гг. до 1991 г. Безусловно, единичные памятники той или иной группе жертв встречаются в каждом из этих этапов, но в рамках данной статьи внимание обращается только на их основные тенденции.

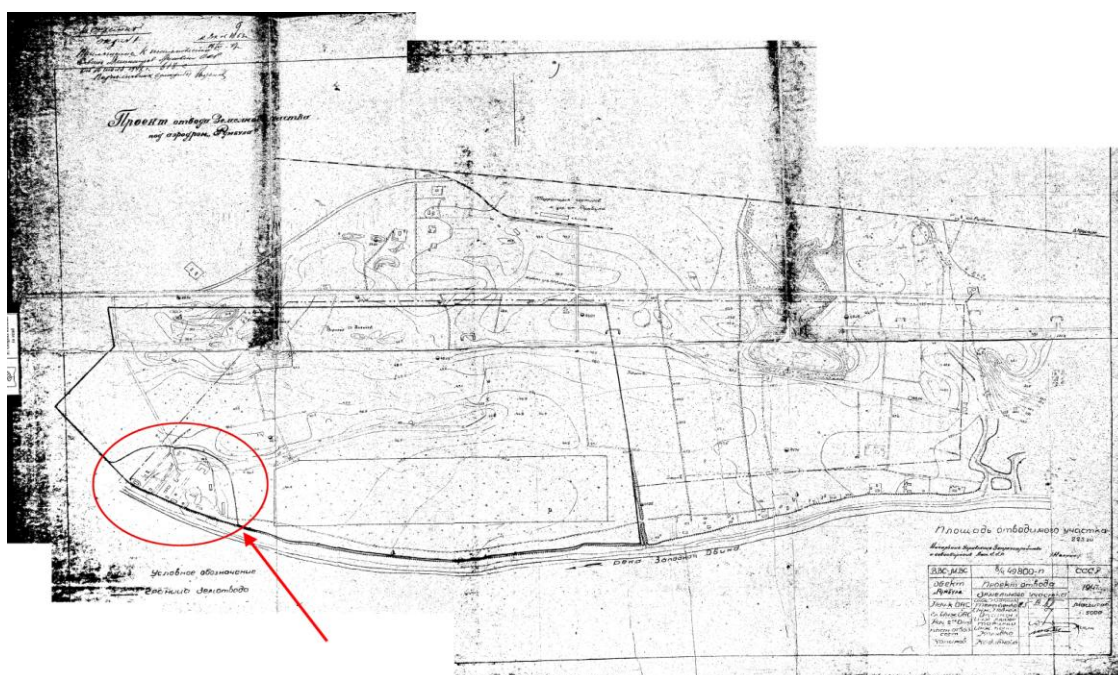
При освобождении советских территорий от немецкой оккупации Красная армия и ее специальные органы приступили к работе по документированию понесенных человеческих потерь. В том числе были установлены места массовых уничтожений и захоронений советских военнопленных, партизан и мирного населения. Впоследствии сотрудники Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их пособников проводили исследования и также документировали все материальные и человеческие потери [6]. Они были также использованы на Нюрнбергском и других международных судебных процессах по преступлению против мира, военных преступлений и преступлений против человечества. Позже эти материалы были использованы в качестве консультативного заключения/экспертизы при проектировке и установке памятников.

Еще во второй половине 1940-х гг. было принято постановление по увековечиванию памяти солдатам, партизанам и населению, погибшим в борьбе с оккупантами [7]. В июле 1946 г. Совет Министров СССР постановил, что установление памятников, стоимость которых превышала 50 тыс. руб., должно быть им согласовано и одобрено [8]. Таким образом, решение об установке дорогостоящих монументальных памятников стало преимущественно государственным, принималось на союзном уровне, даже если предложения поступали со стороны республик. Идея, однако, по установке военных памятников или памятников военной славы была не новой, а шла в ногу с предшествующей советской пропагандой монументального искусства. Еще в мае 1941 г. пом. зав. отделом Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Т. Шумейко посылал приложения «Некоторые соображения о военной пропаганде» к своему письму 1940 г., которое должно было обсуждаться в Оргбюро. Там он в «целях укрепления военных традиций» предлагает увеличить «количество монументальных памятников и скульптур военным героям», а также увековечить все братские могилы павших воинов и «все места побед нашего оружия» [9], то есть увековечивание памяти героизму и славе. В этой же самой традиции были и установлены, например, непосредственно послевоенные памятники генералу армии Н.Ф. Ватутину в Киеве и лейтенанту-танкисту П.Ф. Никитину в Черновцах [10]. Первый – пример памятника, изображавшего воина-освободителя с крепким спортивным телосложением, в военной форме, с мужественным гордым взглядом и мощными, сильными жемами, иногда с оружием в руках. Порой также устанавливались образцы военной техники, в основном танки и самолеты (так, в честь П.Ф. Никитина был установлен танк). В то же время памятники и обелиски на местах

захоронений военнослужащих, партизан и мирных граждан обычно имели достаточно скромный, а то и вообще неудовлетворительный вид [11].

Чаще всего установлением памятных знаков на местах братских могил и последующим уходом за ними занимались либо родственники, близкие погибших, либо бывшие сослуживцы убитых. Были также установлены памятники на территориях кладбищ как военнослужащим, так и мирному населению [12]. Со стороны еврейских групп, в том числе религиозных общин, предпринимались попытки установить памятники на местах массовой гибели еврейского населения [13]. Однако в связи с тем, что религиозные еврейские общины были подчинены уполномоченным Совета по делам религиозных культов, а позже – по делам религий, сфера их влияния ограничивалась только стенами синагоги и частично еврейскими кладбищами, которые были переданы еврейским религиозным общинам для ухода местными властями и отделами коммунального хозяйства [14]. Таким образом, мемориализация еврейских жертв происходила в основном в форме религиозного обряда, чтения молитв в синагогах [15]. Лишь в отдельных местах на еврейских кладбищах были установлены памятники общим или еврейским жертвам, уничтоженным во время войны. Отдельные памятники были несанкционированно воздвигнуты в 1940-е гг. за пределами еврейских кладбищ, как в Понарах (Литва) в 1945 г. [16] и в Минске в 1946 г. [17] Однако в связи с кампанией против «безродных космополитов» активисты установления таких памятников в общественных местах, носивших явно национальный характер, подверглись репрессиям [18]. Памятник в Понарах был снят в 1952 г. [19].

Места массового уничтожения и захоронения, а также бывшие лагеря, рядом с которыми находились государственные либо стратегически важные объекты, были изолированы от посещения населения [20]. Одним из ярких примеров полной изоляции стал бывший нацистский лагерь Юнгфернхоф, находившийся неподалеку от Риги, куда, начиная с ноября 1941 г., были привезены на уничтожение европейские евреи [21]. В 1947 г. постановлением Совета Министров Латвийской ССР был отведен участок под военный аэродром в районе Румбулы. Лагерь Юнгфернхоф был включен в план аэродрома, но его границы были обведены/выделены так, что он оказался как бы между рекой Двиной и самим аэродромом (см. прилагаемую карту). Таким образом, памятное место стало абсолютно недоступным для посещения и поминания. А в связи с тем, что аэропорт был вначале военным, позже гражданским, это место не могло быть широко распространено в общественности, так как являлось одной из стратегических точек и не подлежало разглашению [22].

[На топографической карте обведено место, где должен находится военный аэродром Румбула. Юнгфернхоф находится на ней снизу в левом углу, на что указывают красный круг со стрелкой, добавленные автором]

Другие бывшие нацистские концентрационные лагеря, являвшиеся местами массового уничтожения мирного населения и военнопленных на территории СССР, в большинстве своем даже не упоминались вплоть до конца 1940-х – начала 1950-х гг. в этом контексте по причинам как идеологическим, так и прагматическим. Вплоть до конца 1950-х – начала 1960-х гг. тема военнопленных в СССР была не в почете, так как они считались политически подозрительными и неудобными элементами [23]. В то же время помещения некоторых бывших концлагерей продолжали использоваться в качестве мест изоляции и содержания заключенных [24]. Но теперь там содержались не советские, а немецкие и другие (например, венгерские) военнопленные, воевавшие против СССР. Их использовали в послевоенном строительстве городов и инфраструктуры [25]. В числе таких лагерей Сырец [26] и Дарница в Киеве на Украине [27], Масюковщина в Белоруссии [28], а также Саласпилс в Латвии, о чем до сегодняшних дней свидетельствует кладбище немецких военнопленных, умерших в лагере.

После международной конференции в Женеве по рассмотрению конвенций о защите жертв войны и пересмотра ранее принятых конвенций об обращении с военнопленными, ранеными и мирным населением государств от 12 августа 1949 г., где принимала участие советская делегация [29], и после возвращения военнопленных домой лагеря были ликвидированы. Постепенно они становились частью общественной памяти. Некоторые лагеря указывались в списках областных властей в качестве памятных мест, требовавших ухода и надзора. На их территории воздвигались мемориальные доски, памятники и мемориальные комплексы. Так, на территории бывшего шталага № 352 в Масюковщине была установлена искусственная стена с мемориальной доской в 1949 г. [30].

С середины 50-х годов в рамках международных мероприятий были организованы различные советские общества дружбы и культурных связей с зарубежными странами. Один из таких – Советский комитет ветеранов войны, который был создан в 1956 г. на 1-й Всесоюзной конференции ветеранов войны. До 1968 г. он был разделен на четыре секции: фронтовиков, партизан, инвалидов войны и военнопленных и узников концлагерей, далее секции были ликвидированы и на их месте были созданы шесть комиссий: комиссия по международной информации и связям, комиссия по пропаганде, организационная комиссия, комиссия по увековечиванию памяти погибших воинов, комиссия по делам инвалидов войны и комиссия по военно-исторической литературе [31]. Целью Советского комитета ветеранов войны были связи и кооперация с международными организациями. Таким образом, были организованы общие мероприятия и встречи с членами организации ФИР (Международная федерация участников сопротивления), Международным союзом борцов сопротивления и депортированных и многих других организаций. В рамках ее деятельности были организованы поминальные мероприятия жертвам фашизма, участия при открытии мемориалов в Дахау, Бухенвальде и других западноевропейских нацистских лагерей в Польше, Франции, ГДР, ФРГ, Голландии, так же, как и совместные встречи бывших узников лагерей и гетто на территории СССР и за границей, общие выставки на военные темы и т.д. [32] Интересно в этом контексте сравнить мероприятия заграничных открытий памятников в бывших нацистских концентрационных лагерях. Возьмем, например, открытие памятника жертвам фашизма в Бухенвальде в сентябре 1958 года. Мемориальный ансамбль, созданный Фрицом Кремером под концептом "к победе через смерть и сражения", изображает непоколебимых пленников лагеря, не потерявших надежду, готовых к бою [33]. Речи, которые были произнесены на открытии памятника, выражали не только память о погибших, но, помимо этого, сопротивление и борьбу за мир [34]. Хоть Бухенвальд находился на территории ГДР, куда влияние шло не со стороны запада, а наоборот, со стороны Советского Союза, несмотря на это, такая форма памяти была довольно характерна и для других мемориальных мест, когда жертвы как таковые были инструментализированы в глобальных целях борьбы против фашизма, борьбы за мир и т.п.

В связи с таким развитием к концу 1950-х гг. появилось и на территории Советского Союза множество разных памятников республиканского и союзного значения. В Понарах в 1959 г. открылась маленькая выставка, а памятник жертвам фашистского террора был установлен в начале 1970-х гг. Это была часть Вильнюсского музея, позже – отдел Музея Революции [35]. В 1958 г. в 9-м форту в Каунасе был открыт республиканский музей. Год спустя несколько карцеров форта стали использоваться непосредственно в качестве музейного помещения, в них была создана выставка, рассказывавшая о жестоком режиме

германской оккупации в 1941–1944 гг. [36] На ежегодных мероприятиях стояли главным образом в центре внимания героические побеги из лагерей Понары и 9-го Форта.

Широко развивалась и деятельность советских обществ по охране памятников на республиканском уровне [37]. Они поставили на учет многие памятники и памятные места, провели паспортизацию и, таким образом, создали систему контроля над памятниками и мемориальными местами.

К разным праздникам, в особенности к юбилейным датам, прежде всего к 7 ноября и 9 мая, поступали ходатайства о сооружении памятников и закладке камней на местах, где происходили значимые события Второй мировой войны [38]. Увековечивание памяти погибших к годовщине Октябрьской революции отражало идеологический подход к Великой Отечественной войне. Победа в войне рассматривалась как логическое следствие революции 1917 г. и строительства социализма в СССР. Фашизм (термин «национал-социализм» употреблялся значительно реже, так как считалось, что социализм не мог быть национальным (Г. Димитров) [39]) считался крайней формой капитализма. Поэтому увековечивание памяти борцов и жертв, павших во имя социализма и в борьбе против варварского капитализма, было естественным процессом. К 20-летию юбилею, когда День Победы стал праздничным, проектировалось и сооружалось множество памятников, связанных с событиями Второй мировой войны и отражавших героизм и славу Красной армии и советского народа. Памятники и мемориальные ансамбли жертвам войны имели значительно более скромный вид. Одной из наиболее широко распространенных скульптур являлась «Скорбящая мать». В связи с юбилеями осуществлялись мероприятия по уходу и благоустройству мест массовых захоронений и уничтожения советских граждан в годы войны.

Дифференциация жертв в то же время была не принята. Различия допускались только в самых общих чертах: между героями – военнослужащими и партизанами – и жертвами – мирным населением. В отличие от послевоенного периода жертвы были включены в официальную память. Так, мемориальные комплексы на месте деревни Хатынь в Белоруссии или бывшего лагеря Саласпилс с памятными знаками, символизировавшими детские бараки, были широко отражены в советских и зарубежных печатных изданиях и в советской школьной программе [40]. Они также служили широко посещаемыми туристическими местами. Надписи на памятниках и памятных местах были в основном на двух языках, на общегосударственном (русском) и республиканском.

С середины 1980-х гг. в ходе «перестройки» широкое общественное внимание привлекли неизвестные до этого времени вопросы истории Второй мировой войны. В том числе договор Молотова – Риббентропа о ненападении и разделе сфер влияния Германии и СССР, а также вопрос об уничтожении польских офицеров в Катыни, которое пытались по окончании Второй мировой войны также отнести к злодеяниям германских оккупантов. Численность и категории жертв войны были заново пересмотрены [41]. В эти годы появились различные неформальные общественные организации, имевшие целью увековечивание памяти жертв советской эпохи. Некоторые концентрировались на жертвах советского режима. К ним, в частности, относится Всесоюзное добровольное историко-просветительское общество «Мемориал», зарегистрированное в 1989 г. [42]. Другие пытались увековечить память тех жертв национал-социалистического режима, которые прежде скрывались под универсальными категориями «мирное население», «мирные жители» или просто «жертвы фашизма». Так, цель Общественного историко-просветительского центра «Бабий Яр» заключалась в освещении трагедии евреев во время Второй мировой войны (на примере уничтожения их в Бабьем Яру в 1941 г.) [43]. Заслугой этих обществ являлось вынесение индивидуальной, частной памяти, на протяжении 40 лет вытесненной из общественного пространства, на государственный и общественный уровень. Результатом их деятельности стало установление разных памятников или памятных досок на памятных местах с указанием разных категорий жертв – по политическому, профессиональному (военнослужащие Красной армии) или национальному признаку.

В целом, мемориальный ландшафт Второй мировой войны развивался на протяжении всего рассматриваемого времени под влиянием внутренних и внешнеполитических факторов. В этом процессе были активно задействованы разные инстанции: государственные и республиканские учреждения, общественные и международные организации. В первые послевоенные годы, согласно старым традициям, памятники Второй мировой войны отражали в общественном пространстве героизм и славу и только в частных

пространствах – на кладбищах и заброшенных местах – чтить память жертв. После освобождения бывших нацистских лагерей от германских военнопленных, некоторые лагеря начали превращаться в места памяти. С середины 1950-х гг. началась кооперация различных советских и международных организаций. На примере открытия памятника в бывшем концентрационном лагере Бухенвальд можно было увидеть, что формы памяти и категории жертв, использованные за границей, были выражены в Советском Союзе в мемориалах в том же самом жанре. Хотя поминали уже и военнопленных, и гражданские жертвы, борьба и победа превосходили скорбь. Память жертв такого рода инструментализировались в целях укрепления своей политической системы и легитимации политических действий. Тем не менее мемориалы Хатынь и Саласпилс свидетельствуют не только о непоколебимости и героизме народа в борьбе против фашизма, но и также о развитии памяти о военнопленных и жертвах мирного населения, которые начали постепенно входить в советское официальное общественное сознание. На третьем этапе, с середины 1980-х гг., усилиями общественных организаций индивидуальная, частная память о жертвах выходит на общественный и государственный уровни.

Примечания:

1. Государственный архив г. Киева (далее – Госархив г. Киева). Ф. Р-987. Оп. 1. Д. 143. Л. 121–122.
2. URL: <http://www.unesco.org/new/en/unesco/about-us/who-we-are/history>.
3. Госархив г. Киева. Ф. Р-987. Оп. 1. Д. 143. Л. 121–122; URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0008/000824/082464mb.pdf>.
4. Черноглазова Р.А. Плен в лагерях вермахта и лагерях НКВД // Война и плен. Мартиролог. Минск, 2005. С. 32–37.
5. Военный энциклопедический словарь. М., 1983. С. 540.
6. Постановление об образовании ЧГК/ ЧРК. Государственный исторический архив Латвии (далее – LVVA). Ф. П-132. Оп. 29. Д. 1. Л. 1–34.
7. Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). Ф. 4п. Оп. 61. Д. 119. Л. 15–16. Д. 269. Л. 11–13, 27–28.
8. НАРБ. Ф. 123. Оп. 3. Д. 87. Л. 23–24.
9. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ) Ф. 17, Оп. 125, Д. 28, Л. 40–49.
10. Frunchak S. Commemorating the Future in Post-War Chernivtsi // East European Politics and Societies. 2010. №. 24. S. 445.
11. Центральный государственный архив общественных объединений Украины (далее – ЦГАОО Украины). Ф. 1. Оп. 23. Д. 4929. Л. 5–6. НАРБ. Ф. 952. Оп. 1. Д. 7. Л. 4–6.
12. Frunchak S. Op. cit. S. 445.
13. Мемориализация Холокоста // Холокост на территории СССР: Энциклопедия. 2-е изд. М., 2011. С. 578–581.
14. НАРБ. Ф. 952. Оп. 1. Д. 7. Л. 4–6.
15. Altshuler M. Jewish Holocaust Commemoration Activity in the USSR Under Stalin // Yad Vashem Studies. 2002. №. 30. Jerusalem. P. 271–296.
16. Аграновски Г., Гузенберг И. Вильнюс. По следам Литовского Иерусалима. Памятные места еврейской истории и культуры. Путеводитель. Вильнюс, 2011. С. 601–603.
17. Герасимова И. Новая история старого памятника. URL: <http://mishpoha.Org/n22/22a21.shtml>.
18. Герасимова И. Новая история старого памятника. URL: <http://mishpoha.Org/n22/22a21.shtml>.
19. Аграновски Г., Гузенберг И. Вильнюс. По следам Литовского Иерусалима. Памятные места еврейской истории и культуры. Путеводитель. Вильнюс, 2011. С. 601.
20. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 66. Л. 2–15.
21. Gottwald A., Schulle D. Die „Judendeportationen“ aus dem Deutschen Reich 1941-1945 Wiesbaden, 2005. S. 114-115, 122-125.
22. Госархив Латвии (далее – LVA) Ф. 270. Оп. 1с. Д. 247. Л. 9–11.
23. Черноглазова Р.А. Указ. соч. С. 32–37.
24. Там же.
25. ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 23. Д. 981. Л. 7–10. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 61. Д. 271. Л. 11–15, 48–55.
26. Евстафьева Т. Сырецкий концентрационный лагерь // Бабий Яр: Человек, Власть, История. Кн. 1, Киев, 2004. С. 186.
27. ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 23. Д. 982. Л. 1–2. Д. 3857. Л. 16–17.
28. Государственный архив Минской области. Ф. П-69. Оп. 1. Д. 77. Л. 63, 71–72, 79. Yad Vashem. Ф. М. 33. Л. 26–27.
29. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 81. Д. 154. Л. 3–4.
30. Лагеры смерці. Масюкоўшчынскі лагер смерці // Памяць. Мінск. Гісторыка-дакументальныя

хронікі гарадоў і раенаў Беларусі. У 4 кн. 4 кн. Мінск, 2005. С. 83–86.

31. Предисловие описи Советского комитета ветеранов войны Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ) Ф. Р-9541, Оп. 1 (часть 1). Л. I–IX.
32. Там же Ф. Р-9541, Оп. 1, Д. 559, Л. 77–79; Там же Д. 235. Л. 78–86; Там же Д. 246; Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 11. Оп. 1, Д. 10. Л. 28, 35, 55–56.
33. URL: http://www.buchenwald.de/media_de/index.html
34. ГАРФ. Ф. Р-9541, Оп. 1, Д. 235, Л. 6–9.
35. URL: <http://www.jmuseum.lt/index.aspx?Element=ViewArticle&TopicID=157>.
36. URL: <http://www.9fortomuziejus.lt/istorija/muziejus>.
37. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 49. Л. 74.
38. Там же. Д. 26. Л. 8–12.
39. URL: <http://www.marxists.org/deutsch/referenz/dimitroff/1935/bericht/index.htm>
40. Сауснитис К. Саласпилс. Рига, 1975; Ананьин А., Ананьин М., Велюгин А. Хатынь. Мемориал жертвам фашизма. Фотоальбом. 2-е изд. Минск, 1973.
41. Hösler J. Aufarbeitung der Vergangenheit? Der Große Vaterländische Krieg in der Historiographie der UdSSR und Russlands // Osteuropa. 2005. № 55, 4–6. С. 120.
42. URL: <http://www.memo.ru/d/24.html>
43. ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 25. Д. 2558. Л. 106–107.

References:

1. Gosudarstvennyi arkhiv g. Kieva (dalee – Gosarkhiv g. Kieva). F. R-987. Op. 1. D. 143. L. 121–122.
2. URL: <http://www.unesco.org/new/en/unesco/about-us/who-we-are/history>.
3. Gosarkhiv g. Kieva. F. R-987. Op. 1. D. 143. L. 121–122; URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0008/000824/082464mb.pdf>.
4. Chernoglazova R.A. Plen v lageryakh vermakhta i lageryakh NKVD // Voina i plen. Martirolog. Minsk, 2005. S. 32–37.
5. Voennyi entsiklopedicheski slovar'. M., 1983. S. 540.
6. Postanovlenie ob obrazovanii ChGK/ ChRK. Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Latvii (dalee – LVVA). F. P-132. Op. 29. D. 1. L. 1–34.
7. Natsional'nyi arkhiv Respubliki Belarus' (dalee – NARB). F. 4p. Op. 61. D. 119. L. 15–16. D. 269. L. 11–13, 27–28.
8. Natsional'nyi arkhiv Respubliki Belarus' (dalee – NARB). F. 123. Op. 3. D. 87. L. 23–24.
9. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii (dalee- RGASPI) F. 17, Op. 125, D. 28, L. 40–49.
10. Frunchak S. Commemorating the Future in Post-War Chernivtsi // East European Politics and Societies. 2010. № 24. S. 445.
11. Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv obshchestvennykh ob'edinenii Ukrainy (dalee – TsGAOO Ukrainy). F. 1. Op. 23. D. 4929. L. 5–6. NARB. F. 952. Op. 1. D. 7. L. 4–6.
12. Frunchak S. Op. cit. S. 445.
13. Memorializatsiya Kholokosta // Kholokost na territorii SSSR: Entsiklopediya. 2-е изд. М., 2011. S. 578–581.
14. NARB. F. 952. Op. 1. D. 7. L. 4–6.
15. Altshuler M. Jewish Holocaust Commemoration Activity in the USSR Under Stalin // Yad Vashem Studies. 2002. № 30. Jerusalem. P. 271–296.
16. Agranovski G., Guzenberg I. Vil'nyus. Po sledam Litovskogo Ierusalima. Pamyatnye mesta evreiskoi istorii i kul'tury. Putevoditel'. Vil'nyus, 2011. S. 601–603.
17. Gerasimova I. Novaya istoriya starogo pamyatnika. URL: <http://mishpoha.org/n22/22a21.shtml>.
18. Gerasimova I. Novaya istoriya starogo pamyatnika. URL: <http://mishpoha.org/n22/22a21.shtml>.
19. Agranovski G., Guzenberg I. Vil'nyus. Po sledam Litovskogo Ierusalima. Pamyatnye mesta evreiskoi istorii i kul'tury. Putevoditel'. Vil'nyus, 2011. S. 601.
20. RGASPI. F. 17. Op. 125. D. 66. L. 2–15.
21. Gottwald A., Schulle D. Die „Judendeportationen“ aus dem Deutschen Reich 1941-1945 Wiesbaden, 2005. S. 114-115, 122-125.
22. Gosarkhiv Latvii (dalee -LVA) F. 270, Op. 1s, D. 247, L. 9–11.
23. Chernoglazova R.A. Ukaz. soch. S. 32–37.
24. Chernoglazova R.A. Ukaz. soch. S. 32–37.
25. TsGAOO Ukrainy. F. 1. Op. 23. D. 981. L. 7–10. NARB. F. 4p. Op. 61. D. 271. L. 11–15, 48–55.
26. Evstaf'eva T. Syretskii kontsentratsionnyi lager' // Babii Yar: Chelovek, Vlast', Istoriya. Kn. 1, Kiev, 2004. S. 186.
27. TsGAOO Ukrainy. F. 1. Op. 23. D. 982. L. 1–2. D. 3857. L. 16–17.
28. Gosudarstvennyi arkhiv Minskoi oblasti. F. P-69. Op. 1. D. 77. L. 63, 71–72, 79. Yad Vashem. F. M. 33. L. 26–27.
29. NARB. F. 4p. Op. 81. D. 154. L. 3–4.

30. Lagery smertsi. Masyukoŭshchynski lager smertsi // Pamyats'. Minsk. Gistoryka-dakumental'nyya khroniki garadoŭ i raenaŭ Belarusi. U 4 kn. 4 kn. Minsk, 2005. S. 83–86.
31. Predislovie opisi Sovetskogo komiteta veteranov voiny Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (dalee – GARF) F. R-9541, Op. 1 (chast' 1). L. I–IX.
32. Predislovie opisi Sovetskogo komiteta veteranov voiny Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (dalee – GARF) F. R-9541, Op. 1, D. 559, L. 77–79; Predislovie opisi Sovetskogo komiteta veteranov voiny Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (dalee – GARF) F. R-9541, Op. 1, D. 235. L. 78–86; Predislovie opisi Sovetskogo komiteta veteranov voiny Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (dalee – GARF) F. R-9541, Op. 1, D. 246; Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii. F. 11. Op. 1. D. 10. L. 28, 35, 55–56.
33. URL: http://www.buchenwald.de/media_de/index.html
34. GARF F. R-9541, Op. 1, D. 235, L. 6–9.
35. URL: <http://www.jmuseum.lt/index.aspx?Element=ViewArticle&TopicID=157>.
36. URL: <http://www.9fortomuziejus.lt/istorija/muziejus>.
37. RGANI F. 5. Op. 36. D. 49. L. 74.
38. RGANI F. 5. Op. 36. D. 26. L. 8–12.
39. URL: <http://www.marxists.org/deutsch/referenz/dimitroff/1935/bericht/index.htm>
40. Sausnitis K. Salaspils. Riga, 1975; Anan'in A., Anan'in M., Velyugin A. Khatyn'. Memorial zhertvam fashizma. Fotoal'bom. 2-e izd.. Minsk, 1973.
41. Höslér J. Aufarbeitung der Vergangenheit? Der Große Vaterländische Krieg in der Historiographie der UdSSR und Russlands // Osteuropa. 2005. №. 55, 4–6. S. 120.
42. URL: <http://www.memo.ru/d/24.html>
43. TsGAOO Ukrainy. F. 1. Op. 25. D. 2558. L. 106–107.

UDC 93

External and Internal Impact on Soviet Memorial Landscape Development by THE World War II

Alexandra Cherkasski

Institute for Diaspora and Genocide Studies of Ruhr University, Germany
Degree-seeking student
E-mail: Alexandra.Tcherkasski@ruhr-uni-bochum.de

Abstract. The World War II led to serious casualties and left deep scars / wounds of memory. As the victory over occupation regime was glorified, honored and starting from 1965 was widely celebrated at national level, there was a great gap between official and personal memory of war. Monuments are one of the forms of living examples of the past and thus are reliable sources for the study of different epochs and Zeitgeist / spirit of time and their changes. This article considers the development of Soviet memorial landscape by the World War II starting from the war termination to the Soviet Union collapse. Special attention is attached to internal political and international views / interpretations and development with respect to victims of war. In other words, the process of different groups of war victims exclusion and inclusion in Soviet collective memory under the influence of internal political and foreign political interests symbiosis. And, as a result, resultant attitude towards memorial places.

Keywords: the development of Soviet memorial landscape; monuments; culture of memory; World War II memorialization; Soviet Committee of War Veterans; prisoners of war; Salaspils; Khatyn; Jungfernhof, Buchenwald; memorialization of Holocaust.